

КОНЕЦ МОДЕРНА И СУДЬБА ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ НОВОЕВРОПЕЙСКИХ ПРАКТИК

Сорок лет назад, в 1979 году, Жан-Франсуа Лиотар опубликовал свое, наверное, самое известное сочинение «Состояние постмодерна», в котором описал целый ряд симптомов, свидетельствовавших об эпохальной трансформации европейской (в широком смысле) цивилизации в некий новый исторический и культурный статус. Успех сочинения Лиотара способствовал как широкой популярности самих терминов «постмодерн» и «постмодернизм», так и тому, что констатация завершения эпохи (как бы мы ее ни называли — Новым временем, модерном или как-нибудь еще), в которую сформировался конгломерат превратившихся для нас в нечто само собой разумеющееся научных, художественных, политических, правовых и прочих практик, стала буквально общим местом. Наибольший резонанс «постмодернистский» поворот имел в области художественного творчества, однако все более очевидно, что его влияние затрагивает фундамент целостного новоевропейского мирозерцания.

Основу модерна составляет то, что Мишель Фуко назвал *volonté de savoir*, волей к знанию, подразумевающей *volonté de vérité*, волю к истине¹, как модификацию ницшевской воли к власти. Воля к знанию разворачивается в модерне прежде всего в форме новоевропейской науки, которая сама себя рассматривает как неангажированную добычу знания, нейтральную дескрипцию реальности, как природной, так и социальной². Эта дескрипция предполагает фиксацию независимых от наблюдателя различий, на основании которой формируется сеть классификаций и таксономий, охватывающая каждый известный нам сегмент описываемой реальности. В рамках модерна эти

¹ Фуко М. Лекции о воле к знанию с приложением «Знание Эдипа»: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1970–1971 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб. : Наука, 2016. С. 11.

² Современное общество, собственно, потому и является современным, что в нем наука, маргинализовав религию, превратилась в важнейшую социальную практику, с которой так или иначе вынуждены соотноситься все остальные.

различия (к которым относятся и основополагающие дифференции природа/культура, человеческое/нечеловеческое, мужское/женское и т. д.) не проблематизируются в силу «объективности» методических средств их обнаружения. Как представляется, перед физиком и перед социологом стоит одна и та же задача: описание соответствующего объекта (сегмента реальности) с использованием в той же степени нейтрального инструментария.

Эта нейтральная дескрипция противопоставляется нарративным дискурсам (под нарративными здесь понимаются любые дискурсы, прагматика которых выходит за рамки верифицируемых констатаций и которые поэтому подразумевают определенный перформативный потенциал), в которых реальность не описывается, а конструируется. Такими являются художественный и, например, идеологический дискурсы, нейтральность которых не только не гарантирована, но и необязательна: они служат решению тех или иных персональных и социальных задач, а следовательно, заведомо вовлечены в игру различных сил и интересов. Более того, они представляют собой не артикуляцию методически организованного опыта, а результат «продуктивной способности воображения», порождающей новые объекты и причинно-следственные связи (в том числе и новые значимые различия).

Однако нейтральность научных дескрипций, подразумеваемая в качестве базового условия возможности научного дискурса как такового и его отличия от персонально или социально ангажированных нарративов, основывается не столько на реальности и объективности, сколько на идеологически обусловленном императиве, то есть на максиме воли, воли к власти. За нашим сенсорным опытом, вооруженным самыми изощренными средствами наблюдения, непременно должна крыться неподконтрольная нашим чувствам, разуму и желаниям фактичность, которую мы, ведомые волей к истине, лишь выводим из тени на свет («Факты — упрямая вещь» — эта фраза, произносимая следователями в плохих детективах, могла бы служить самым адекватным

девизом эпохи). Но ретроспективный взгляд на историю науки показывает, что с первых своих шагов, с опытов Галилея и Герике, новоевропейская наука решительным и продуктивным образом вторгается в реальность, интерпретируя результаты этой инвазии как доступ к «природе, как она есть сама по себе». По словам Канта, знание превращается в подлинную науку лишь тогда, когда оно само начинает конструировать свой предмет, и это относится не только к математике, но и к эмпирическому естествознанию³. Решающей предпосылкой формирования новоевропейского естествознания (послужившего моделью для всех прочих научных дискурсов) становится переход от пассивного, «естественного» наблюдения к активному экспериментированию, то есть конструированию определенных сегментов реальности («фабрикации фактов»)⁴ с заранее предусмотренными свойствами и последующей экстраполяции моделируемых в этих сегментах процессов на всю реальность в целом. Тем самым подлежащая исследованию природа оказывается искусственным конструктом, креатурой человеческой рациональности, а открываемые наукой законы природы представляют собой не просто фиксацию каких-либо нейтральных данностей, а в буквальном смысле устанавливаются разумом, опирающимся на собственные конструктивные способности. Это означает, что референция объективной дескрипции попадает в зависимость от субъективных конструкций. Этот присущий новоевропейской науке конструктивизм обуславливает перформативный (в той или иной степени) характер научных дискурсов. Мы знаем о строении Солнечной системы, барионной структуре вещества, вирусной природе заболеваний из соответствующих научных высказываний, в которых реальность описываемых объектов не только

³ *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным. М. : Мысль, 1994. С. 16.

⁴ *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. С. 77.

констатируется, но и в известном смысле учреждается (по крайней мере для подавляющего большинства адресатов).

В еще большей степени это относится к социально-гуманитарным дисциплинам: согласно теореме Гёделя о неразрешимости, общество неспособно к самоописанию с помощью нейтральных и объективных средств и потому прибегает к искусственно генерируемым различиям (индивид/общество, общество/государство, социальное/природное), позволяющим наблюдателю занять внешнюю по отношению к нему позицию. В результате такие самоописания сталкиваются с проблемой тождества системы, или проблемой тавтологии и парадокса: общество либо есть то, что оно есть (из этого исходят консервативные теории), либо оно есть то, что оно не есть (на этом основываются критические теории, ориентированные на социальные изменения)⁵. Таким образом, любая социальная теория де-факто неотличима от идеологии (то есть ангажированного нарратива), ибо отказывается от рефлексии над проблемой тождества и поддерживает фикцию реальных различий.

Дескриптивность оказывается трудноотделимой от нарративной конструктивности, и поэтому декларируемая модерном нейтральность научных дискурсов становится все более проблематичной, превращаясь в предмет критики философов и методологов науки второй половины XX века от Людвика Флека до Брюно Латура. Именно в этой проблематичности во многом кроется как будущий кризис модерна, так и возможные стратегии его преодоления.

Более того, нейтральность фиксируемых наукой различий легитимирует их нормативность, устанавливая сеть дихотомий нормального и патологического, приемлемого и неприемлемого: первое должно культивироваться и воспроизводиться, второе — корректироваться, а в крайнем случае экстерминироваться. Знание как совокупность денотативных

⁵ Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Социо-Логос. Вып. 1 / сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. М. : Прогресс, 1991. С. 195.

высказываний, сформулированных методически релевантным образом, в силу самой релевантности становится критерием для установления непроблематичных норм, в том числе социальных, правовых и моральных. На фундаменте нейтральной научной истины выстраивается универсум различных новоевропейских практик, включающий практически все области человеческого действия: экономику, политику, право, литературу, искусство, средства массовой информации, семейные, межвозрастные и гендерные отношения, даже развлечения и спорт⁶.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что постмодерн вырастает из последовательного разоблачения мнимости нейтрального статуса дескриптивных дискурсов, в том числе и в первую очередь научного, первоначально разворачивающегося в дискурсивном пространстве самого модерна. Согласно Лиотару, модерн характеризуется господством метанарраций, а постмодерн, напротив, — недоверием к ним: «нарративная функция теряет свои функторы»⁷. Но это недоверие как раз и выражается в том, что нарративы воспринимаются именно как нарративы, не претендующие на универсальную нормативность, распространяясь в том числе и на дискурсы, отрицающие свой нарративно-конструктивный характер. К таким криптонаррациям в конечном счете могут быть редуцированы и самые объективные на первый взгляд описания. Тем самым дезавуируется базисная и принципиальная для модерна оппозиция дескриптивного и нарративного: нейтральной истине противопоставляется многообразие интенциональных нарративов, и это противопоставление потенциально подразумевает субверсию

⁶ Пример из области политического: в поствестфальском государстве как репрезентанте *volonté generale* модерн видит агента реализации воли к истине, именно поэтому государство обладает монополией на правосудие, то есть на легальную репрессию; если же оно перестает рассматриваться в качестве такого агента и такого репрезентанта (поскольку эрозии подвергается само понятие «общей воли» как основания для политических и правовых решений), эта его монополия делегитимируется, а затем узурпируется заинтересованными социальными группами, которые пользуются ею пусть и не в такой брутальной форме, но достаточно эффективно.

⁷ *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. С. 4.

всей устоявшейся социальной догматики, всех прочих оппозиций и дифференций, определяющих привычную конфигурацию современного мира. Истины и данности разоблачаются как социальные конструкты, более того, само понятие «социальный» становится универсальным ключом к объяснению практически любых, в том числе физических и биологических, феноменов. Поэтому деструкция этой фикции нейтральности осуществляется посредством производства все новых социальных конструктов, назначение которых состоит в вытеснении и замещении объектов и отношений, с традиционной для модерна точки зрения находившихся по ту сторону общественных дисциплин (характерным примером в связи с этим является понятие «гендер» — это социальная конструкция, созданная для того, чтобы продемонстрировать тот факт, что понятие «биологический пол» не просто имеет социальное измерение, а само есть не что иное, как социальная конструкция)⁸.

Снимая различия между фиктивно нейтральной дескрипцией и ангажированным нарративом, постмодерн нарратизирует и социализирует (что означает, по сути, риторизирует) любые дискурсы, тем самым нейтрализуя и десемантизируя само различие как таковое. Различие более не имеет значения в том смысле, что отныне не влечет за собой каких-либо серьезных последствий. В конечном счете это должно вести к реформатированию всего репертуара социальных (в максимально широком — постмодернистском — смысле) практик. В постсовременном мире борьба и конкуренция за ресурсы — материальные и символические — уже не может вестись на почве какой бы то ни было объективности, ее акторы лишены доступа к тезаурусу вечных или по крайней мере принимаемых за таковые истин. Они должны апеллировать исключительно к риторическому и аттрактивному потенциалу используемых

⁸ Впрочем, постепенно выясняется, что «существование общества есть часть проблемы, а не ее решение... Оно больше не может рассматриваться как скрытый источник причинности, который якобы следует привлечь для того, чтобы объяснить существование и устойчивость какого-то другого действия или поведения». (*Латур Б.* Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки / пер. с англ. О. Столяровой // *Социология вещей* : сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М. : Территория будущего, 2006. С. 349.

ими дискурсов. Индикаторы этого эпохального поворота дают о себе знать в различных доменах постсовременного мира — от глобальной экономики и политики до интимных человеческих отношений.